М. Бородкинъ.

Н. Д. Сергѣевскій

и его отношенія къ финляндскому вопросу.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія журн. „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул., № 14.
1909.

Отдѣльные оттиски изъ журнала „Мирный Трудъ“ за 1909 г.

Николай Дмитріевичъ Сергѣевскій

† 25 Сентября 1908 г.

Н. Д. СЕРГѢЕВСКІЙ

и его отношенія къ финляндскому вопросу.

Пробилъ часъ Николая Дмитріевича Сергѣевскаго... Его нѣтъ болѣе среди насъ... Налетѣла смерть, какъ вихрь, и сломила его могучую натуру. Ни болѣзнь, ни старость не коснулись его. Мы всѣ помнимъ его атлетическую фигуру, его выразительные глаза, смотрѣвшіе изъ-за темныхъ золотыхъ очковъ, его большой открытый лобъ. Еще точно звучитъ его голосъ... Смерть, казалось, витала далеко отъ него. И тѣмъ не менѣе онъ похищенъ могилой, далеко еще не совершивъ на землѣ всего земного.

Какой урокъ для насъ: „Трудись, пока годишься и смерти жди, она недалека"...

„Когда умрешь,—писалъ К. Д. Кавелинъ,—останутся для людей мысли, дѣла, труды,—то, что человѣкъ произвелъ умственнаго, сердечнаго, нравственнаго для другихъ. Этимъ его будутъ поминать, если забудется имя, то дѣло останется для другихъ, хотя бы и забылось, отъ кого оно пошло".

Часть его мыслей, дѣлъ и трудовъ я попытаюсь напомнить, чтобъ возстановить его духовный обликъ.

Въ скандинавской старинѣ существовалъ обычай слагать пѣсню въ честь умершаго. Пѣсни я сложить не сумѣю. Но я тѣмъ охотнѣе посвящу его памяти свой очеркъ, что въ его характерѣ всегда усматривалъ черты благородства и гражданскаго мужества. Онъ шелъ подъ знаменемъ, которое я особенно чту. Я съ тѣмъ большей охотой разскажу его дѣянія, что онъ былъ человѣкъ чистый и честный. Подражая Прудону, я могъ бы заявить его врагамъ: „Я разскажу всю его жизнь фактъ за фактомъ... а потомъ пусть они разскажутъ свою"...

Лѣтъ тринадцать тому назадъ (т. е. въ 1895 г.) мы встрѣтились на поприщѣ финляндскихъ дѣлъ, познакомились и съ тѣхъ

поръ были духовно близки. Въ области русско-финляндскихъ отношеній, онъ вскорѣ, благодаря своему выдающемуся уму, сдѣлался замѣтнымъ лицомъ. И такъ какъ мнѣ извѣстны его мысли и дѣла, то считаю своей обязанностью подать о немъ свой голосъ, и сказать, что онъ для родины сдѣлалъ столько, что заслуживаетъ не только вѣжливаго отношенія, сказывающагося въ обычныхъ и часто холодно-формальныхъ поминкахъ, а дружескаго сердечнаго сочувствія и признательности своихъ согражданъ. Онъ работалъ надъ сложнымъ финляндскимъ вопросомъ, съ которымъ въ наши дни уже связаны вопросы другихъ окраинъ. Польша заявила, что она пойдетъ путемъ, проложеннымъ финляндцами. Книга судебъ мнѣ, какъ и другимъ, не раскрыта, но тѣмъ не менѣе, я смѣло заявляю, что будущность Россіи въ значительной мѣрѣ связана съ рѣшеніемъ окраинныхъ ея вопросовъ. Таково мнѣніе нашего молодого Русскаго Окраиннаго Общества. Еще въ 1868 г. Юр. Өед. Самаринъ писалъ: „Если бы когда-нибудь русское общество повернулось спиною къ Прибалтійскому краю, махнуло рукою на Польшу, забыло про Кавказъ и Финляндію, отучилось вообще интересоваться своими окраинами, это значило бы, что оно разлюбило Россію, какъ цѣлое. Тотъ день былъ бы началомъ ея разложенія“.

Это было писано тогда, когда изрѣдка волновалась только Польша, а на остальныхъ окраинахъ было спокойно. А съ того времени сколько произошло перемѣнъ! Недавно внутри государства разлился огромный политическій пожаръ и имъ воспользовались наши внутренніе враги и нѣкоторые инородцы.—„Отбунтовала вновь Варшава“, Кавказъ былъ охваченъ огнемъ возстанія, Финляндія, пылая ненавистью къ Россіи, убила представителя русской власти, умнаго и незабвеннаго Н. И. Бобрикова и др. „Пролитая русская кровь,—писалъ Н. Д. Сергѣевскій,—хотя и осталась безъ отмщенія и наказанія“, но не можетъ быть нами забыта. „Тѣни убитыхъ вѣрныхъ слугъ Россіи и русскаго Царя не молчатъ“. Въ періодъ всероссійской смуты всѣ заговорили объ автономіяхъ и самоуправленіяхъ. Во всѣхъ углахъ Имперіи рѣзко выдѣлилось стремленіе нарушить государственное единство Россіи. „Облеченные довѣріемъ Государя сановники,—писалъ Н. Д. Сергѣевскій,—и тайно, и открыто покровительствовали сепаратистскому движенію“. Этимъ людямъ не жаль было ни той русской крови, которая пролита при созданіи Россійской Державы, ни той, которая должна пролиться вѣрными ея сынами, при борьбѣ за цѣлость нашего отечества. („Окраины Россіи“ 1906 г., № 1).

Во вторую Государственную Думу поляки внесли проектъ закона

о возстановленіи Царства Польскаго. Лѣтомъ 1907 г. Финляндія выступила съ новой Формой Правленія, которая превращала Великое Княжество въ особое государство и окончательно изгоняла русскихъ изъ края. Замѣчательно: и поляки, и финляндцы поясняли при этомъ, что все это необходимо для спасенія Россіи. Русское Общество весьма спокойно отнеслось къ подобнымъ революціоннымъ выступленіямъ. Они открыто говорятъ: „я полякъ и ничто польское мнѣ не чуждо"; „я финнъ и ничто финское мнѣ не чуждо". А мы русскіе боялись и боимся сказать: „я русскій и не только ничто русское мнѣ не чуждо—но оно мнѣ мило и дорого" Н. Д. Сергѣевскій это сказалъ. Наши предки своей кровью создали великую державу и мы, конечно, не допустимъ ея расхищенія, дробленія и униженія. Но русское общество тогда молчало. У финляндцевъ и поляковъ въ средѣ нашихъ космополитовъ нашлись сторонники, которые имъ рукоплескали. Космополиты, ка-деты и вообще лѣвыя фракціи „соглашались на какія угодно уступки финляндцамъ и полякамъ, лишь бы нанести ударъ русской государственной власти и русскому государству", не умѣя отличать начальства отъ отечества („Финляндская сказка про бѣлаго бычка". С.-Петербургъ 1907, стр. 23).

Почему нашимъ ка-детамъ и другимъ партіямъ такъ желательно превратить Россію въ Австрію—они еще не пояснили, но ихъ гнусность и безъ коментарій очевидна.

Мы не должны забывать, что японцы учли смуту въ Россіи, затѣвая войну съ нами. На японскія деньги покупались ружья для революціонеровъ [1]).

Не смотря на то, что нѣкоторыя наши окраины желаютъ обосноваться, какъ особыя государства, публицистъ изъ „Россіи" съ большой претензіей поучать русское общество, пишетъ: „Задача каждаго русскаго человѣка мнѣ казалась до поразительности ясной: оставить инородцевъ въ покоѣ и поднимать и возвышать русскій народъ нравственно, умственно и хозяйственно"... Подымать и возвышать русскій народъ, конечно, хорошо, но въ то же время, оставивъ въ покоѣ сего публициста по отношенію къ окраинамъ, надо принимать

[1]) Еще въ 1903 году графъ Окума сдѣлалъ очень опредѣленный намекъ извѣстному публицисту Андре Шерадаму, на сложныя и продолжительныя волненія, которыя должны были вспыхнуть въ Россіи, если начнется война съ Японіей.

Отъ большого къ мелкому, но характерному.

Въ словарѣ Евфрона и Брокгауза по польскому вопросу приведена только польская (иностранная) литература, а изъ русскихъ два имени!

мѣры, дабы онѣ не объявили себя особыми государствами и не заключили союза съ нашими врагами.

Въ нашей исторіи бывали разные моменты, когда все было охвачено то узломъ крестьянскаго вопроса, то Польскаго возстанія, то аграрныхъ и иныхъ недуговъ. Въ наши дни исторія и политика Россіи охвачены большимъ узломъ окраинскаго вопроса. Окраинные сепаратисты и революціонеры частью объединились и продолжаютъ сближаться, а потому дѣла окраинъ выросли въ огромное государственное дѣло первостепенной важности. Когда началась японская война, финляндцы въ Стокгольмѣ ликуя писали: „Насталъ часъ возмездія для Россіи. Война окончится нашимъ освобожденіемъ отъ русскаго ига“... „Занавѣсъ поднялся для послѣдняго акта трагедіи царства“. А нѣсколько позже, на международномъ соціалистическомъ съѣздѣ въ Лондонѣ, полякъ соціалистъ Дашинскій сказалъ: „Россію нужно разрушить“. Трогательное единодушіе...

Прежде окраинныя дѣла рѣшались просто: цензурными воспрещеніями. Всюду раставлены были литературныя заставы и рогатки, которыя, какъ контрабанду, не пропускали яркихъ окраинныхъ статей. Объ этомъ часто заботились тѣ генералъ-губернаторы, которые желали рапортовать, что „все обстоитъ благополучно“, и тѣ окраинные дѣятели, которые желали избѣжать русскаго вмѣшательства. Литературно-политическаго поединка у насъ тогда не любили. Для этого была придумана подходящая формула: нельзя писаніямъ въ русскихъ газетахъ раздражать народности, коимъ суждено жить подъ однимъ скипетромъ съ нами. Подобный пріемъ назывался устраненіемъ политическихъ междоусобій. Я лично помню то время, когда русскій человѣкъ статьями о Финляндіи, напримѣръ, могъ погубить себя навсегда.

Отсюда, по мнѣнію Н. Д. Сергѣевскаго, тотъ выводъ, что въ народившихся окраинныхъ вопросахъ прежде всего виноваты мы сами. А результаты теперь налицо.

Такъ изъ отчетовъ Государственнаго Контроля видно, что коренное русское населеніе платитъ казнѣ ежегодно на 168 милл. руб. болѣе, нежели получаетъ, а иноплеменные окраины получаютъ отъ казны ежегодно на 77 милл. руб. больше, нежели платятъ ей. Иными словами центръ платитъ ежегодно своимъ окраинамъ (исключая пока Финляндію) контрибуцію въ 77 милл. руб.,—фактъ немыслимый и невѣроятный ни для какой другой страны міра, гдѣ неизмѣнно наблюдается обратное явленіе—метрополіи обогащаются и просвѣщаются на счетъ своихъ колоній. На одну Польшу, напр., идетъ

кровныхъ русскихъ денегъ больше 14 милл. р. За Финляндію такъ-же весьма солидно выплачиваетъ центръ, хотя пока цифра этой контрибуціи еще недостаточно точно установлена.

Покойный П. Х. Шванебахъ установилъ, что на одинъ рубль платимаго налога окраины получаютъ обратно: Сѣверо-Западный край—1 руб. 31 коп., Прибалтійскія губерніи—1 руб. 29 коп., Привислянскія губерніи—1 р. 14 к., Малороссія—92 к., Центръ—47 к.

Иначе говоря, инородческое населеніе окраинъ просвѣщается и обогащается на счетъ коренного русскаго населенія, ибо если взять школьную статистику, то окажется, что, благодаря вниманію нашего правительства, окраины выпускаютъ вдвое болѣе образованныхъ людей, нежели центръ. Я не касаюсь другихъ сторонъ жизни (см. Всеволода Власова. „Центръ Россіи и ея окраины". Варшава, 1906 г. „Зачѣмъ лѣвымъ первой и второй Думы нужны были анархія и разореніе русскаго народа?" С.-Петербургъ 1907 г.).

Имѣя подобныя ужасающія указанія жизни и науки передъ глазами, Н. Д. Сергѣевскій и говорилъ: „Если мы окажемся не на высотѣ призванія, если мы ослабѣемъ, то насъ съѣдятъ враждебные инородческіе элементы въ союзѣ съ нашими космополитами". („Окр. Рос." 1906, т. I, стр. 675, № 40).

Рядъ указанныхъ обстоятельствъ побудилъ насъ сгруппироваться сперва около изданія „Окраины Россіи", а затѣмъ въ „Русское Окраинное Общество", чтобы по мѣрѣ своихъ силъ бороться съ явленіемъ, грозящимъ гибелью Россіи.

Такъ какъ борьба съ внутреннимъ врагомъ отечества есть долгъ каждаго вѣрнаго сына Россіи, мы горячо взываемъ о присоединеніи къ намъ и о поддержкѣ нашихъ слабыхъ силъ въ великомъ дѣлѣ. Господа! жизнь становится столь сложной, что одному человѣку всего не охватить. Приходится поэтому группироваться по интересамъ, по спеціальностямъ. Наше общество будетъ стараться содѣйствовать къ выработкѣ новыхъ дѣятелей для борьбы за русскія начала на окраинахъ Имперіи, будетъ создавать прочныя традиціи и обѣщаетъ нести незапятнаннымъ свое знамя. Необходимы для выработки правильныхъ воззрѣній по вопросамъ о порубежныхъ земляхъ и инородческомъ населеніи—соотвѣтствующая среда и школа. Все это желательно ввести въ число задачъ „Рус. Окр. Собранія".

Тотъ человѣкъ, памяти котораго я посвящаю свой очеркъ, былъ избранъ первымъ предсѣдателемъ Рус. Окр. Союза. Сознавая серьезность переживаемаго момента и обширность обязанностей, которыя ложатся на каждаго честнаго сына родины, и въ то-же время, же-

лая, возможно шире, распространять свои воззрѣнія объ окраинахъ, и прежде всего о Финляндіи, онъ выступалъ докладчикомъ въ разныхъ учрежденіяхъ, писалъ статьи, издавалъ брошюры. Спеціальноже въ Рус. Окр. Обществѣ онъ являлся тѣмъ большимъ маховымъ колесомъ, которое приводило все въ движеніе.

Къ смерти Н. Д. Сергѣевскаго вполнѣ примѣнимъ стихъ Некрасова: „Ликуетъ врагъ! молчитъ въ недоумѣньи вчерашній другъ, поникнувъ головой". Да, люди, осуждавшіе его дѣятельность, телеграммами оповѣстили другъ друга о его кончинѣ. Они отлично знали, чего стоила его умная голова и неподкупный характеръ. Друзья и знакомые Николая Дмитріевича, напротивъ, не всегда уясняли себѣ его направленіе въ финляндскомъ вопросѣ и потому, если не прямо сомнѣвались въ полезности его трудовъ, то, случалось, оставались къ нимъ въ извѣстной мѣрѣ равнодушными.

Но всѣмъ одинаково ясна была его личность. О ней двухъ мнѣній, кажется, не возникало. Всѣ признавали, что это личность не рядовая. Вездѣ и всюду онъ былъ самимъ собою. Ни къ театральнымъ слезамъ, ни къ сценической декламаціи онъ не прибѣгалъ. Онъ не гнулся подъ вліяніемъ летучей моды; позорное освободительное движеніе его не пошатнуло. У него былъ достаточный запасъ стоицизма, чтобы не подпасть вліянію философіи меланхоліи. Въ немъ даже чувствовалось нѣсколько лютеровское: „hier stehe ich,—ich kann nicht anders". Благородная прямота являлась одной изъ отличительныхъ свойствъ его характера. Его правдивость многіе испытали на себѣ, ее вспомнятъ такъ-же и нѣкоторыя высокопоставленныя лица.

Своимъ положеніемъ онъ былъ обязанъ исключительно себѣ. Въ его обиходѣ не было мѣста „безумству, лѣни и страстямъ". Душевныя его силы находились въ гармоническомъ равновѣсіи: это былъ европеецъ по образованію и русскій—по душевному складу. Ничѣмъ онъ не злоупотреблялъ: ни словомъ, ни своимъ положеніемъ. Въ университетѣ и канцеляріи онъ былъ строгъ и требователенъ. За дешевой популярностью не гнался. Его отношенія ко всякому дѣлу являлись строго нравственными.

Его жизнь—сплошной трудъ, трудъ вдумчивый, полезный. Наука была его богиней, преподаваніе—его главнымъ занятіемъ. Многочисленныя полки книгъ въ его квартирѣ свидѣтельствовали о томъ, что онъ прошелъ широкое поле знанія.

Но книга не отвлекла его отъ жизни.

Во всѣхъ перечисленныхъ отношеніяхъ онъ предстаавлялъ изъ себя примѣръ, достойный подражанія. Это—цѣльная личность и крѣп-

кій характеръ. Характеровъ у насъ на Руси не хватаетъ; отсутствіе характеровъ—вотъ наше несчастіе. Личности съ характеромъ должны поэтому пользоваться особымъ почетомъ. И гдѣ создаваться характерамъ, когда семьи живутъ безъ твердо установленныхъ принциповъ, а школа—обходится безъ нравственныхъ и національныхъ началъ?

Открыто и опредѣленно свой взглядъ на финляндскій вопросъ Н. Д. Сергѣевскій впервые выразилъ въ то время, когда сталъ издавать „Юридическую Лѣтопись". Въ этомъ журналѣ появлялись замѣтки по очереднымъ законодательнымъ работамъ Финляндіи, а главное помѣщены были статьи профессора М. Н. Коркунова: „Великое Княжество Финляндское" (1890 г.), „Финляндскій сеймъ" (1891 г.) и проф. Н. С. Таганцева—„Высочайшій манифестъ" 1—13 декабря 1890 г. и „Финляндское Уголовное Уложеніе" (1891 г.). Эти статьи носили весьма опредѣленную окраску, причемъ воззрѣніе проф. Таганцева во многомъ совпали со взглядами К. Ф. Ордина, являющагося основателемъ того направленія въ финляндскомъ вопросѣ, которое, по нынѣшней терминологіи, должно быть названо „правымъ". Коркуновъ и Таганцевъ имѣли литературныя имена, почему очевидно, что издателю „Юридической Лѣтописи" пришлось солидно оплатить ихъ статьи, а это можетъ сдѣлать только человѣкъ убѣжденный въ пользѣ и необходимости распространенія тѣхъ взглядовъ, которые въ нихъ высказывались.

Затѣмъ мы видимъ Н. Д. Сергѣевскаго редакторомъ казеннаго „Журнала Министерства Юстиціи", въ которомъ онъ помѣстилъ (въ 1895 г.) статью Георгія Абова „Изъ исторіи ученія финляндскаго государственнаго права" съ еще болѣе ярко обозначеннымъ направленіемъ. Съ уходомъ Н. Д. Сергѣевскаго изъ „Журнала Министерства Юстиціи" редакція перемѣнила свое направленіе въ финляндскомъ вопросѣ.

Съ переходомъ Н. Д. Сергѣевскаго на службу въ Государственную Канцелярію, онъ дѣлается постояннымъ участникомъ финляндскихъ коммиссій, а со времени занятія Вяч. Конст. Плеве должности министра статсъ-секретаря В. К. Финляндскаго—становится его правой рукой въ разрѣшеніи очередныхъ финляндскихъ вопросовъ.

Въ апрѣлѣ 1901 г. подъ предсѣдательствомъ Н. Д. Сергѣевскаго работала подкоммиссія, которая издала свои труды по „Первоначальнымъ предположеніямъ", поведшія къ пересмотру нѣкоторыхъ законоположеній, касающихся финляндскаго управленія. Этотъ небольшой по объему трудъ представляется цѣлой юридической энци-

клопедіей по вопросамъ о сенатѣ, губернаторахъ, начальникѣ края и о службѣ въ гражданскомъ вѣдомствѣ.

Н. Д. Сергѣевскій, состоя вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ коммиссіи для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ и систематизаціи сихъ законовъ, напечаталъ цѣлый рядъ полезнѣйшихъ изданій. Онъ понялъ, что борьба съ культурной окраиной должна быть ведена серьезно и культурно и потому никоимъ образомъ нельзя пренебрегать сильнѣйшими орудіями въ области культуры—книгой и закономъ. „Для печатнаго слова нѣтъ границъ ни во времени, ни въ пространствѣ, писалъ Топеліусъ. Оно, рожденное въ день, живетъ вѣка. Въ наше время сила печатнаго слова—сила мысли, она условіе жизни, всего"... Для того, чтобы русское общество кореннымъ образомъ могло ознакомиться съ сущностью финляндскаго вопроса, Н. Д. Сергѣевскій издалъ всѣ главнѣйшія законоположенія Финляндіи, начиная съ „Сеймоваго устава" и кончая „Церковнымъ Уложеніемъ". Этими изданіями снабжались всѣ, кто только желалъ серьезно ознакомиться съ дѣломъ. Этой-же коммиссіей изданы лучшіе указатели, какіе имѣются по финляндскому вопросу.

Работая надъ очередными финляндскими вопросами, Н. Д. Сергѣевскій усмотрѣлъ, что финляндцы неизмѣнно пользовались успѣхомъ въ своихъ стремленіяхъ потому, что на ихъ сторонѣ были дружная сплоченность, любовь къ родинѣ, опредѣленная система, ясная программа; русскіе-же, напротивъ, постоянно бродили въ тьмѣ, шли вразсыпную, а главное—обнаруживали полное незнаніе финляндскаго вопроса. Эта неосвѣдомленность русскихъ побудила Н. Д. Сергѣевскаго подумать о способахъ распространенія познаній по финляндскому вопросу. Съ этою цѣлью, онъ началъ работать надъ созданіемъ спеціальнаго изданія, посвященнаго нашимъ окраинамъ. Его поддержала небольшая группа лицъ, такъ-же болѣвшая душой за униженное положеніе русскаго человѣка въ Финляндіи, Польшѣ и на Кавказѣ. Благодаря отзывчивости этой группы лицъ и матеріальной ихъ поддержкѣ создались „Окраины Россіи", которыя уже нѣсколько лѣтъ честно, спокойно и идейно отстаиваютъ родные интересы, попираемые инородцами.

Видя, что и „Окраины Россіи" не могутъ вмѣстить всего необходимаго, Н. Д. Сергѣевскій задумалъ новое періодическое изданіе—„Библіотека Окраинъ Россіи". Вотъ, что написалъ онъ, выпуская № 1 этой „Библіотеки":

„Наученные горькимъ опытомъ послѣднихъ лѣтъ, русскіе люди должны понять, что для защиты цѣлости и единства Россійской Им-

періи и для борьбы съ сепаратистами разнаго рода, явными и тайными, необходимо прежде всего знаніе нашихъ инородческихъ окраинъ—ихъ исторіи, порядка управленія, бытовыхъ условій, потребностей, политическихъ настроеній и т. д.

„Нынѣ времена во многомъ измѣнились противъ прежняго; болѣе, чѣмъ когда-нибудь, необходима энергическая дѣятельность самого русскаго общества и русскихъ людей. А мы—все наше образованное общество—въ громадномъ большинствѣ случаевъ, почти ничего не знаемъ, что дѣлалось и что дѣлается на окраинахъ. Наши сановники съ легкимъ сердцемъ принимаютъ на себя управленіе областями, не будучи къ тому вовсе подготовлены, мы не знаемъ ни мѣстнаго законодательства, ни условій окраинной жизни, ни положенія русскихъ людей, заброшенныхъ судьбою въ среду инородческаго населенія. Къ стыду нашему мы вялы и очень мало склонны къ устойчивой политической борьбѣ, требующей умственнаго напряженія и знаній.

Предпринимая настоящее изданіе „Библіотеки Окраинъ Россіи“, мы имѣемъ въ виду, по мѣрѣ силъ и возможности, послужить дѣлу ознакомленія русскихъ людей съ нашими окраинами и съ тѣми вопросами, которые возникаютъ на почвѣ отношеній окраинныхъ инородческихъ областей къ составу единаго и нераздѣльнаго государства Россійскаго“.

Н. Д. Сергѣевскій успѣлъ издать шесть выпусковъ.

Такова внѣшняя декоративная сторона отношенія Н. Д. Сергѣевскаго къ финляндскимъ дѣламъ, его финляндскій послужной списокъ.

Этотъ голый перечень свидѣтельствуетъ, насколько Н. Д. Сергѣевскій охваченъ былъ финляндскимъ вопросомъ. Можно сказать, что въ послѣдніе годы онъ отдавалъ ему большую часть своего времени и своихъ силъ.

Въ 1902 г. вышла его брошюра „Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ“. Въ этой небольшой книжкѣ, какъ въ каплѣ, отражены главные спорные пункты финляндскаго вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изложилъ въ ней свой взглядъ на этотъ запутанный вопросъ.

Прежде всего онъ разбиваетъ главную иллюзію финляндцевъ, самымъ категорическимъ образомъ отвергая наличность признаковъ государства у Финляндіи; онъ находилъ доводы, выставляемые финляндцами по этому вопросу, весьма слабыми. Тутъ онъ производитъ операцію какъ ученый хирургъ, въ полномъ сознаніи ея необходимости. Крики больного его не останавливаютъ. Въ теоріи, представ-

лялось ему, финляндцы могутъ говорить, что имъ угодно. Но практическое рѣшеніе вопроса заключалось въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: первое—Финляндія не можетъ быть государствомъ ни того, ни другого типа, а должна быть нераздѣльной частью Россійской Имперіи, связанной съ остальными частями всѣми тѣми установленіями, существованіе которыхъ необходимо для русскаго государства. Затѣмъ второе—если бы тѣмъ не менѣе Финляндія оказалась государствомъ не въ теоріи только, а на практикѣ, т. е. тѣмъ или инымъ путемъ присвоила бы себѣ государственную отдѣльность и самостоятельность, подкрѣпленную не словами, а какими либо реальными моментами,—то немедленно должны были бы быть приняты самыя рѣшительныя мѣры къ уничтоженію такого положенія и къ полному объединенію Финляндіи съ прочими частями Имперіи".

„Такое рѣшеніе вопроса,—прибавлялъ онъ,—есть дѣло безусловной государственной необходимости... Такъ именно поступила Пруссія съ Помераніей, составляющей сто лѣтъ тому назадъ такую-же часть Шведскаго королевства, какъ и Финляндія, притомъ болѣе обособленную и самостоятельную"...

Вы видите, что онъ безбоязненно опрокидываетъ пьедесталъ, на которомъ стоялъ кумиръ...

Второй тезисъ его изслѣдованій гласитъ: въ манифестахъ или „удостовѣреніяхъ", которыми Финляндія была надѣлена великими льготами и правами, „идетъ рѣчь вовсе не о конституціи, въ современномъ смыслѣ этого слова, а лишь о законномъ основаніи правъ и преимуществъ вообще".

Вотъ два главныхъ положенія, которыми опредѣляется все остальное въ финляндскомъ вопросѣ. Примкнувъ къ этимъ положеніямъ, онъ естественно бралъ такъ-же на себя нравственную отвѣтственность за ихъ правильность. Основа этихъ положеній была высказана до Н. Д. Сергѣевскаго. Н. Д. Сергѣевскій вышелъ на общественную арену, когда многое въ финляндскомъ вопросѣ было уже установлено. Несторъ финляндскаго вопроса, К. Ординъ родился и дѣйствовалъ ранѣе его. По многимъ положеніямъ приходилось поэтому,—какъ самъ Н. Д. остроумно отмѣтилъ,—повторять сказку про бѣлаго бычка. Этимъ онъ не смутился. Обстоятельства требовали повторенія—и онъ повторялъ. Многое было установлено, но схватка между стремленіями окраины и правами центра не была окончена. Н. Д. Сергѣевскій обладалъ сильнымъ умомъ, обширной начитанностью и потому онъ не могъ ограничиться однимъ лишь повтореніемъ пройденныхъ уже задовъ. И дѣйствительно, онъ углубилъ сво-

имъ анализомъ нѣкоторыя положенія и закрѣпилъ ихъ новыми соображеніями и юридическими данными. Прежде всего, онъ впервые разсмотрѣлъ вопросъ объ общемъ значеніи тѣхъ манифестовъ, которыми были дарованы Финляндіи разныя права и привилегіи. Его изслѣдованіе показало, что эти манифесты—„удостовѣренія“ финляндскихъ правъ представляютъ собою акты, равнозначительные тѣмъ жалованнымъ грамотамъ, универсаламъ, рескриптамъ и указамъ, которые изстари давались нашими государями населенію вновь завоеванныхъ и присоединенныхъ къ Россіи областей и даже жителямъ отдѣльныхъ городовъ. Въ подтвержденіе этого положенія Н. Д. Сергѣевскій привелъ цѣлый рядъ актовъ и указалъ на прибалтійскіе грамоты, какъ на прямой прототипъ финляндскихъ манифестовъ. И дѣйствительно, въ универсалахъ сего края читаемъ: „Мы не токмо намѣревались оставить безъ всякаго нововведенія во всей землѣ и городахъ понынѣ господствуемую Евангельскую религію, всѣ ихъ древнія привилегіи, вольности, права и преимущества, которыя, какъ всему міру извѣстно, въ шведское правленіе всегда нарушаемы были“. Это изслѣдованіе о грамотахъ является самостоятельнымъ вкладомъ покойнаго ученаго въ финляндскій вопросъ.

Кромѣ того Н. Д. Сергѣевскаго интересовало практическое рѣшеніе финляндскаго вопроса. Конечно, и въ этой области онъ не былъ вполнѣ піонеромъ. И. Катковъ, и Ординъ и ихъ послѣдователи, каждый въ мѣру своихъ силъ, пытались отъ теоріи перейти къ жизни. Теоріи Н. Д. Сергѣевскій коснулся лишь настолько, насколько она имѣла непосредственное значеніе для законодательной политики нашего времени, а засимъ круто повернулъ къ практикѣ. Противъ его брошюры „Къ вопросу о финляндской автономіи“,—въ которой онъ высказалъ свое profession de foi,—Л. Мехелинъ выступилъ съ особой критикой, но видя, что въ новой книгѣ этого главы финляндскихъ сепаратистовъ повторяются въ сотый разъ старые всѣмъ надоѣвшіе кривотолки, Н. Д. Сергѣевскій спокойно поставилъ ее на полку. Нѣтъ, рѣшилъ онъ, пререкаться безполезно. Другъ друга мы болѣе убѣдить не можемъ, а потому необходимо отъ словъ перейти къ дѣлу. Этому завѣщанію пора слѣдовать. Необходимо практически вести Финляндію къ объединенію съ прочими частями Имперіи.

Заслуга Н. Д. Сергѣевскаго заключается именно въ томъ, что онъ особенно опредѣленно сталъ ставить финляндскій вопросъ на практическую почву. Онъ понялъ, что многочисленныя ошибки прошлаго можно исправить только разумной и послѣдовательной прак-

тикой. Практика снесетъ тѣ теоретическія нагроможденія, которыя успѣли возвести усердные финляндцы, благодаря русской небрежности.

Нечего и говорить о томъ, что на практикѣ Н. Д. Сергѣевскій оказался упруго послѣдовательнымъ. Въ его законодательныхъ работахъ нѣтъ и слѣда химерическаго финляндскаго государства. Эту несообразность онъ отметалъ во всѣхъ коммиссіяхъ, въ которыхъ участвовалъ, какъ членъ или предсѣдатель.

Я имѣлъ удовольствіе засѣдать съ нимъ въ многочисленныхъ финляндскихъ коммиссіяхъ и всегда заранѣе можно было знать его направленіе и предугадать, когда онъ скажетъ „да“, и когда „нѣтъ“, чего, къ глубокому сожалѣнію, нельзя было предвидѣть по отношенію къ нѣкоторымъ другимъ сочленамъ.

Какъ широко образованный человѣкъ, Н. Д. Сергѣевскій давно проникся убѣжденіемъ, что одно правительство ни законодательными, ни административными мѣрами ничего существеннаго въ окраинныхъ вопросахъ сдѣлать не можетъ, пока къ нему на помощь не придетъ общество. Онъ понялъ, что одними „безпощадно кроткими взорами“ и краснорѣчіемъ правительственныхъ указовъ дѣла не исправить. А разъ необходимо было содѣйствіе, то Сергѣевскій не задумался стать въ ряды борцовъ по финляндскому дѣлу. Вмѣстѣ съ другими, дѣйствовавшими до него, онъ вышелъ на самые аванпосты съ тѣмъ, чтобы окликать сородичей о грозящей государственному единству и русскому достоинству опасности и звать ихъ на активную работу. Въ „битвѣ жизни“ онъ находилъ позорнымъ класть оружіе въ то время, когда „врагъ стоялъ у воротъ“.

„Не хватаетъ,—повторялъ онъ,—прежде всего ближайшаго знакомства съ окраинами. „Только познаніе Россіи и ея составныхъ частей можетъ дать твердую почву нашей національной политикѣ“... („Рус. Окр. Общ.“, стр. 21). Необходимъ вмѣстѣ съ тѣмъ „подъемъ русскаго духа на окраинахъ путемъ литературы, обмѣна мыслей, образованія патріотическихъ союзовъ и русскихъ просвѣтительныхъ обществъ“. („Рус. Окр. Общ.“, стр. 22).

А разъ все это требовалось, то Н. Д. Сергѣевскій и началъ будить русское самосознаніе по финляндскому вопросу брошюрами, статьями, рѣчами и бесѣдами. Въ его брошюрахъ и статьяхъ ясно сквозитъ его личность, его душевныя свойства. Чувствуется, что къ черниламъ онъ прибавлялъ капли крови наболѣвшаго сердца. Акварельный рисунокъ, ласкающій только глазъ, былъ не въ его вкусѣ. Онъ рубилъ правду безъ сентиментальности въ ясномъ и твердомъ изложеніи. Онъ не только распространялъ сухое знаніе, но старался

развернуть обязательное для всѣхъ знамя, старался поднять духъ своихъ соотечественниковъ укорами и усовѣщаніями. И онъ добился того, что къ голосу его стали прислушиваться. Его совѣтамъ охотно внимали какъ его соратники, такъ и правительственныя коммиссіи.

Катехизисъ финляндскихъ государственныхъ лжетолкованій давно уже былъ составленъ общими усиліями Мехелина, Даніельсона и Германсона. Другой катехизисъ, являвшійся подражаніемъ извѣстному озлобленному польскому катехизису, такъ-же былъ распространенъ по краю. Нужно было противопоставить имъ трезвую совѣстливую и плодотворную работу, а не гоняться за розовой мечтой, что сами финляндцы изъ политической признательности за оказанныя имъ благодѣянія тѣснѣе примкнутъ къ Россіи.

Финляндцы не приближаются, а отдаляются. Пропасть между Финляндіей и Россіей уже весьма широка. Финляндцы прежде всего не признаютъ себя русскими подданными и соотвѣтственно этому ведутъ себя. Они не уясняютъ причинъ нашего отношенія къ нимъ, находя, что вездѣ и во всемъ поступали лояльно.

Надо поэтому объясниться и припомнить нѣкоторые факты изъ прошлаго.

Финляндцы въ годы русскихъ государственно-объединительныхъ реформъ, т. е. въ Бобриковское время, организовали нѣчто въ родѣ особаго бюро, которое снабжало заграничную печать всякими свѣдѣніями, неблагопріятными и даже прямо компрометирующими Россію. Финляндцы имѣли свои органы заграницей; состоятельные ихъ сограждане субсидировали ихъ... Такимъ образомъ и общими и дружными усиліями финляндцевъ Россія была оклеветана на всю Европу. Эти выступленія финляндцевъ глубоко задѣли русскихъ патріотовъ: домашній споръ и ссора были вынесены изъ избы. Такія обстоятельства проводятъ глубокія борозды во взаимныхъ политическихъ отношеніяхъ. Вспомните заграничную агитацію поляковъ въ періоды ихъ возстаній. Не забывайте такъ-же поучительнаго примѣра съ Герценомъ. Въ польскомъ вопросѣ онъ, подобно нашимъ революціонерамъ послѣднихъ лѣтъ, принялъ сторону возставшихъ противъ Россіи поляковъ, иначе говоря, онъ поддерживалъ антинаціональную агитацію и, по-просту говоря, стыдилъ и корилъ Россію въ глазахъ свѣта. Когда русское общество нѣсколько очнулось отъ напущеннаго на него угара, оно отвѣтило тѣмъ, что разлюбило своего талантливаго Лондонскаго кумира, и даже нашлись такіе, которые безъ колебаній назвали его измѣнникомъ.

Г. Милюкову, можетъ быть, многое простится, но его выворачи-

ваніе нашей изнанки передъ американцами всегда будетъ омрачать его общественную дѣятельность. Психологія тутъ понятная. Ее прекрасно передалъ Луговой въ слѣдующихъ строкахъ, которыми онъ сильно и мѣтко клеймитъ эту породу русскихъ—холоповъ.

„... Мы клеветой
Сплеча все русское пятнаемъ
И, какъ подачки, ожидаемъ,
Какъ псы обглоданную кость,
Отъ чужеземцевъ одобренья
Намъ за холопье униженье!..
Мнѣ въ эти скорбныя мгновенья
Терзаетъ сердце коршунъ-злость,
Кипитъ въ душѣ негодованье,
Я не могу тогда молчать,
И, внемля слову порицанья,
Мнѣ братьямъ хочется сказать:
„Пускай еще мы грубы, дики,
„Пускай отсталый мы народъ,—
„— Но все-же мы—народъ великій,
„И бодро мы пойдемъ впередъ!
„Пусть покаянными рѣчами
„Мы межъ собой—не предъ врагами—
„Больную совѣсть облегчимъ
„И зло въ себѣ самихъ казнимъ;
„Но если чужеземецъ дерзкій...
„Откроетъ нашихъ золъ пучину
„И съ нами вмѣстѣ, на-показъ
„— О нашемъ горѣ плакать будетъ,—
„Пусть гордость нашъ языкъ разбудитъ,
„Пускай у каждаго изъ насъ
„Сорвется вмигъ безъ колебанья
„Достойный русскаго отвѣтъ:
„— Пришлецъ умолкни! Мѣста нѣтъ
„Тебѣ средь русскаго страданья,
„Средь нашихъ горестей и бѣдъ:
„И если слезы покаянья
„Мы льемъ надъ родиной своей,—
„Не нужно жалости твоей:
„Ты въ эти скорбныя мгновенья
„Ни изрекать ей осужденья,
„Ни соболѣзновать не смѣй!“

БИБЛИОТЕКА

Это одна сторона финляндскаго вопроса.

А вотъ и другія.

Кто спокойно и вдумчиво оглядитъ поле русско-финляндскихъ неладовъ и неурядицъ за періодъ государственной и публицистической дѣятельности Н. Д. Сергѣевскаго, тотъ увидитъ, какимъ трудно проходимымъ бурьяномъ оно поросло по всѣмъ почти направленіямъ.

Первыя пятьдесятъ лѣтъ нахожденія Финляндіи въ составѣ Россійской Державы протекли нормально. Финляндія признавала себя провинціей, единства Россіи нарушать не думала, была вѣрна династіи, въ 1854—55 гг. проливала кровь за Россію. Финляндія, какъ и теперь, была обезпечена. Послѣ шестидесятыхъ годовъ все стало мѣняться и она начала стремиться къ неосуществимой цѣли и полна протестовъ по каждому государственному шагу Имперіи.

Суверенныя права Россіи если и признаются иногда, то только для видимости, на бумагѣ, но когда отъ словъ надо переходить къ дѣлу, со стороны финляндцевъ до сихъ поръ слышались одни нескончаемые протесты и протесты, перешедшіе въ сопротивленіе.

Въ международномъ отношеніи Финляндія поставлена въ полную зависимость отъ Россіи, но сколько нарушеній совершено въ этомъ отношеніи, начиная съ Г. Армфельта и кончая нынѣшнимъ финляндскимъ судомъ, который прямо отъ себя сносился съ заграницею.

Русскій, предки котораго завоевали Финляндію, въ предѣлахъ этого края безправный, униженный парій.

Финляндцы протянули руки, но вложили ихъ въ руки творцовъ смуты въ Россіи. Со времени съѣзда въ Парижѣ они неразлучны съ нашими революціонерами и русской оппозиціей. Преступное общество „Войма“, какъ пояснилъ членъ Г. Думы Гегечкори, организовано финнами въ видѣ резерва для нашей революціи. Наше общество проходило мимо этихъ явленій молча съ опущенными глазами, какъ это дѣлаетъ прохожій на улицѣ, не желая быть свидѣтелемъ скандала; между тѣмъ этому обществу надлежало сорвать маску лойяльности съ подобныхъ союзниковъ.

Въ Польшѣ не разъ заводилась рѣчь объ искреннемъ сближеніи, въ Финляндіи ея никто не слыхалъ. Въ Польшѣ существовала русская партія, въ Финляндіи ее никогда не было. Когда финляндцевъ называли нашими „политическими братьями“ и земляками, то на это они отвѣчали ироническими усмѣшками.

Во всей финляндской печати вы не найдете органа хотя бы нѣсколько благосклонно расположеннаго къ Россіи и къ идеѣ содружества и совмѣстной работы. Представленіе о несовмѣстности

русскихъ и финляндскихъ интересовъ господствуетъ даже среди извѣстныхъ русскихъ круговъ въ такой мѣрѣ, что представителямъ ихъ казалось естественнымъ спросить: по какому праву вы, менѣе культурная нація, владѣете Финляндіей и осмѣливаетесь предъявлять ей свои требованія? Чѣмъ вы въ состояніи осчастливить Финляндію? Они забыли уже, что мы дали имъ многолѣтній благодатный миръ, что мы являлись щитомъ ихъ порядка и свободы, что изъ нашей казны не одно предпріятіе было поддержано, что мы дали условія развитія финской національности и т. д.

Не малое число русскихъ находитъ вполнѣ основательнымъ, что Финляндія несетъ государственныя тягости въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ коренное населеніе Россіи.

Нѣкоторые наши администраторы искали себѣ популярности среди финскаго населенія политикой уступокъ и поблажекъ. Эти администраторы—полная противоположность иностраннымъ, которые прежде всего заботились о томъ, чтобы понравиться своимъ, на родинѣ. Одинъ генералъ-губернаторъ съ большимъ трудомъ вводитъ русскій языкъ въ сенатѣ, другой разрѣшаетъ финляндцамъ самовольно удалить его. Одинъ изгоняетъ изъ края представителей сопротивленія русскому правительству, другой представляетъ ихъ кандидатами въ сенатъ. Одинъ привлекаетъ русскихъ на финляндскую службу, другой ставитъ себѣ главной задачей ихъ удаленіе. Одинъ находитъ средства для изданія русской газеты, другой—съ легкимъ сердцемъ ихъ урѣзываетъ. Одинъ одѣваетъ финляндскую полицію въ русскую форму, другой—въ англійскую. И т. д. Мы въ тысяча первый разъ подтвердили, что русскіе „самый безсистемный народъ въ Европѣ“. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ подобной политики колебаній—паденіе престижа русской власти.

Финляндская печать открыто разсуждаетъ о преступномъ государственномъ переворотѣ, о низверженіи династіи (Framtid) и мѣстные юристы, вплоть до сенаторовъ, не усматриваютъ въ этомъ состава преступленія.

Не буду развертывать передъ вами дальнѣйшихъ частей этой удручающей картины.

При наличности указанныхъ условій, странно было бы помышлять объ укрѣпленіи единства и мощи Имперіи. Людей, подобныхъ Н. Д. Сергѣевскому, горячо любящихъ свое отечество, всѣ подобныя обстоятельства повергли въ уныніе. Онъ не могъ мириться съ подобнымъ печальнымъ положеніемъ Россіи и русскихъ въ предѣлахъ Финляндіи. Свою скорбь Н. Д. излилъ въ разныхъ рѣчахъ

и статьяхъ, которыя не могли понравиться ни финляндцамъ, ни нашимъ „политическимъ іезуитамъ“, торгующимъ интересами родины.

Что же Н. Д. Сергѣевскій сказалъ особенно непріятнаго?

„Предлагаютъ политику „довѣрія“ или, что тоже самое, политику уступокъ,—сказалъ Н. Д. С.—въ своей рѣчи, которою открывалъ Русское Окраинное Общество. Девяносто лѣтъ „довѣрія“ и уступокъ финляндцамъ послужили лишь поводомъ къ увеличенію финляндскихъ требованій и привели къ тому, что теперь совершается... Нѣтъ, не сердца покоренныхъ народовъ надо завоевывать, а пріобрѣтать ихъ уваженіе проявленіями мужества, силы и разумной твердости“ (Рус. Окр. Общ., стр. 15—16).

Что касается до охраны цѣлости россійскаго государства отъ прямыхъ посягательствъ, то онъ находилъ, что „всякое посягательство должно быть отражаемо самымъ рѣшительнымъ образомъ, manu militari, безъ всякихъ колебаній и безъ милости“ (Рус. Окр. Общ., стр. 21).

Необходимость уравненія всѣхъ окраинъ съ центромъ въ несеніи общегосударственныхъ тягостей для него не представляла ни сомнѣній, ни вопроса, какимъ она является для нѣкоторыхъ нашихъ либерально-философствующихъ администраторовъ.

Никакихъ уклоненій отъ господства русскаго государственнаго языка въ дѣлопроизводствѣ высшихъ присутственныхъ мѣстъ въ своей программѣ онъ не допускалъ.

Подчиненіе мѣстнаго законодательства, гдѣ оно существуетъ, авторитету законодательства общегосударственнаго также являлось для него яснымъ и неизбѣжнымъ (Окр. Общ., стр. 22—23).

Далѣе Н. Д. Сергѣевскій рекомендовалъ уничтоженіе всѣхъ вредныхъ русскому народу привиллегій нѣкоторыхъ народностей (Рус. Окр. Общ., стр. 16—17). И это понятно, ибо онъ дерзалъ повторять заявленіе „Россія для русскихъ“, или точнѣе русскіе для Россіи, конечно, безъ различія національностей, языка и вѣроисповѣданій, т. е. по-просту: Россія для всѣхъ тѣхъ, которые любятъ ее и готовы своею кровью защищать ее...

Договаривая всегда свою мысль до конца, Н. Д. Сергѣевскій съ особымъ негодованіемъ обрушился на тѣхъ финляндцевъ, которые проливали русскую кровь и въ то же время продолжали претендовать на наше уваженіе. „Вчерашніе союзники революціонеровъ, писалъ онъ, съ русскими, замаранными кровью политическихъ убійствъ и японскимъ золотомъ, достойные потомки „анъяльскихъ и абовскихъ измѣнниковъ“,—они съ тою же легкостью измѣнятъ Россіи, съ какою дѣды ихъ нарушили присягу своему прежнему государю“ (Окр.

Рос. 1907 г., т. II, № 15, стр. 234). „Конечно, восклицалъ онъ по другому случаю, не Лео Мехелину жалѣть русской крови“ (Окр. Рос. 1907, т. II, № 15, стр. 235).

„Послѣ 1809 г.—продолжаемъ цитировать Н. Д. Сергѣевскаго—финляндцы вынули флагъ „лойяльности“ и начали дурачить русскаго медвѣдя. Теперь-же, послѣ цѣлаго ряда убійствъ (Н. И. Бобрикова, Крамаренко, Іонсона) и покушеній (на Дейтриха, Мясоѣдова), послѣ доказаннаго участія финляндцевъ въ русскомъ революціонномъ движеніи, послѣ документовъ, раскрывшихъ связь финляндскихъ дѣятелей съ японцами, послѣ помощи, оказанной „Красной гвардіей“ свеаборгскому возстанію, послѣ наводненія края оружіемъ и учрежденія общества Воймы, послѣ признаній на судѣ сенатора Шаумана и т. п., можно-ли говорить о финляндской лойяльности, можно-ли серьезно сочувствовать политикѣ уступокъ? (См. „Русскій Духъ“, I изд., стр. 23 и др.).

Со свойственной Н. Д. Сергѣевскому опредѣленностью онъ и заявилъ: „Въ результатѣ все завоеваніе Финляндіи, всѣ жертвы русскаго народа сведены къ нулю. Финляндцы въ 1905 году ловко воспользовались военною невзгодою и внутренней смутой въ Россіи и крикнули русскимъ людямъ: „Пошли вонъ, дураки! И мы ушли“ („Русскій Духъ“, стр. 23).

Но—дочитайте до конца—Н. Д. Сергѣевскій безпристрастенъ и потому уже ранѣе предупредилъ: „Врагъ на окраинахъ поднялъ голову потому, что завелся врагъ внутренній. Инородческія окраины остались недозавоеванными и заговорили о самостоятельности и разныхъ автономіяхъ, какъ только замѣтили, что ослабѣваетъ огонь въ русскомъ сердцѣ, а въ роли начальствующихъ, вмѣсто носителей русской идеи, оказались какіе-то „либеральнѣйшіе и гуманнѣйшіе“ якобы администраторы“ (Рус. Окр. Общ., стр. 10). Эту мысль онъ повторялъ не однократно.—„Мы сами виноваты въ тѣхъ несчастьяхъ, которыя разразились надъ нашимъ отечествомъ, и мы должны искупить нашу вину“ (Рус. Окр. Общ., стр. 25).

Говорятъ, что смерть не есть конецъ всѣхъ бѣдствій. Мы полагали, что Н. Д. Сергѣевскій отошелъ въ область покоя. Но нѣтъ, клевета и озлобленіе послѣдовали за гробомъ Н. Д. С., безъ жалости и съ запамятованіемъ о его добрыхъ отношеніяхъ къ Финляндіи. Я напомню ихъ. Признанія и заявленія Н. Д. Сергѣевскаго особенно не понравились финляндцамъ и они—(г. Мехелинъ, а не уличные листки)—клеймили его статьи, называя ихъ инсинуаціями, оскорбленіемъ націи, грубымъ искаженіемъ фактовъ, сплетеніемъ не-

точностей и лжи и т. п., а его самого обзывали финнофобомъ, антагонистомъ финновъ, членомъ черной сотни. Старая исторія и старый дурной пріемъ финляндцевъ! Всѣ тѣ русскіе люди, которые въ чемъ-либо не согласны съ мнѣніями финляндцевъ, и особенно тѣ, которые не признаютъ Финляндіи за особое государство, или за что-либо не похвалили финляндцевъ, неизмѣнно относятся ими къ финноненавистникамъ, врагамъ края, а статьи ихъ причисляются къ разряду „нападокъ“ на финновъ. Клевещите, клевещите—что-нибудь да останется!

Пока живъ, я не перестану указывать на эту отличительно-дурную и отрицательную сторону финляндской печати по отношенію къ русскимъ и не устану изобличать ту тенденціозную ложь, которая прикрывается этой выходкой. Я уже выступалъ на защиту имени К. Ф. Ордина, К. И. Якубова, Н. И. Бобрикова и др.—Я являюсь соратникомъ того-же лагеря, къ которому принадлежали названныя лица, почему считаю своимъ долгомъ встать за тѣхъ, которымъ смерть сковала уста: этому долгу надлежитъ быть наслѣдственнымъ среди единомышленниковъ.

Смерть сразила теперь Н. Д. Сергѣевскаго и такъ какъ финляндцы и жалкіе ихъ подголоски въ русской печати опять набросились на него, какъ коршуны на добычу, силясь очернить его непорочное имя названіемъ финноненавистника, я раскрою предъ читателемъ съ фактами въ рукѣ и личнымъ свидѣтельствомъ всю гнусность этой клеветы. Можетъ быть на извѣстнаго рода оскорбленія лучше отвѣчать презрѣніемъ. Можетъ быть за гробомъ Н. Д. не нуждается „въ суетномъ удовлетвореніи“, но правда должна быть возстановлена и необходимо представить отношенія къ намъ финляндцевъ въ надлежащемъ свѣтѣ.

Я понимаю, что финны, какъ малый и молодой народъ, могутъ быть особенно самолюбивы, но они не должны терять чутья истины и чувства стыда и добросовѣстности. Вмѣстѣ съ тѣмъ они обязаны знать, что на всякое явленіе можетъ существовать различныя точки зрѣнія и нельзя человѣка, не соглашающагося съ ихъ мнѣніемъ, относить къ разряду лицъ дурныхъ, озлобленныхъ или завѣдомо лживыхъ. Можно разно понимать явленія, но это не должно мѣшать взаимному уваженію. Два ученыхъ К. Д. Кавелинъ и В. Д. Спасовичъ значительно расходились во взглядахъ на польскій вопросъ, но это не мѣшало ихъ дружбѣ и они многому учились другъ у друга. Спасовичъ говорилъ, что благодаря Кавелину, полюбилъ Россію, а Кавелинъ въ свою очередь—многое понялъ въ положеніи

Польши. Финляндцы подобнаго отношенія не понимаютъ. У нихъ, кто не съ ними во всемъ и вся, тотъ ихъ врагъ, тотъ финнофобъ.

Сотни русскихъ имѣли случай бесѣдовать съ Н. Д. Сергѣевскимъ, тысячи русскихъ читали его и слышали его доклады и всѣ могли убѣдиться, что у него никогда умъ не затемнялся страстью, что чувства нерасположенія къ инородцамъ у него не существовало. Онъ камня за пазухой не носилъ, а всегда громко говорилъ то, что исповѣдывалъ. Его совѣты финляндцамъ разумны, его укоры справедливы. Онъ писалъ честно, всегда почти за полною подписью, безъ дурныхъ намековъ, беря на себя нравственную отвѣтственность за свои слова. Въ политикѣ онъ явно проявлялъ особенную осторожность, граничившую почти съ робостью, что служило не разъ предметомъ споровъ между нами. Никакой болѣзнью политической мстительности онъ не страдалъ, какъ и никто другой изъ лицъ, работающихъ надъ финляндскимъ вопросомъ. Никакой искусственной надстройки надъ закономъ онъ не допускалъ. И его-то укоряютъ въ финноненавистничествѣ! Болѣе грязной инсинуаціи трудно придумать.

Всѣ знали, что онъ до конца своихъ дней оставался ученымъ съ широкими и гуманными воззрѣніями и чуждымъ всякихъ національныхъ предразсудковъ. Извѣстно, что Н. Д. Сергѣевскій прекрасно сходился съ нѣмцами и питалъ къ нимъ особое уваженіе. „Нѣмцы, писалъ онъ, духовно сливаются съ русскими и являются часто хорошими русскими патріотами“ (Рус. Окр. Общ., стр. 18). Его рѣчь при открытіи Русскаго Окраиннаго Общества грѣшила именно тѣмъ, что онъ несоразмѣрно большое мѣсто удѣлилъ въ ней нѣмцамъ, за что его дружески упрекнули. При такихъ условіяхъ финляндцамъ особенно легко было бы сблизиться и столковаться съ нимъ. Мы знаемъ, какъ охотно онъ обмѣнивался съ ними мыслями, когда къ тому представлялся случай въ періодъ финляндскихъ коммиссій, и какое почтеніе онъ оказалъ одному изъ членовъ комиссіи потому, что тотъ носилъ епископскую мантію. Не въ Сергѣевскомъ причина нерасположенія. Бѣда кроется въ томъ, что финляндцы въ значительной степени не чужды высокомѣрія, особенно когда имъ приходится сопоставлять себя съ русскими; къ сближенію съ послѣдними у нихъ не наблюдается никакого серьезнаго стремленія. Когда же Н. Д. Сергѣевскій въ коммиссіи Таганцева рѣшительно отказался поддерживать финляндскія домогательства, то этого было достаточно, чтобы его имя стало произноситься съ негодованіемъ среди финляндцевъ.

Но если этихъ соображеній и указаній не достаточно, то по-

звольте спросить, былъ ли Н. Д. Сергѣевскій финнофобомъ въ то время, когда хвалилъ ихъ уложеніе, содѣйствовалъ проведенію новаго Сеймоваго Устава 1906 г.. рекомендовалъ книгу Топеліуса? Какъ криминалистъ, онъ не обошелъ молчаніемъ ихъ новаго Уголовнаго Уложенія, а изучивъ его до послѣдняго параграфа, онъ осудилъ только дурной переводъ закона на русскій языкъ, переводъ поразительной небрежности, доходившій до комическихъ оттѣнковъ; онъ не могъ также не укорить финляндцевъ за совершенное игнорированіе нашего новаго Уложенія, и за то, что проектъ ихъ уголовнаго закона стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что Финляндія есть самостоятельное государство, а Россія для Финляндіи иностранная держава. Но во всемъ остальномъ онъ очень высоко поставилъ Финляндское Уголовное Уложеніе и ввелъ его даже въ свои университетскія лекціи.

Главнѣйшіе его отзывы объ этомъ уложеніи сводятся къ слѣдующему. Типичною чертою Финляндскаго Уложенія является отсутствіе въ немъ теоретическихъ опредѣленій и общихъ понятій, составляющихъ предметъ научной разработки. Текстъ Уложенія старается давать лишь правила, подлежащія практическому примѣненію, установленіе же общихъ юридическихъ понятій предоставляется теоріи и судебной практикѣ. Этимъ Финляндское Уложеніе выгодно отличается отъ многихъ новѣйшихъ законодательныхъ работъ, заполняющихъ иногда кодексы формулами теоретическаго свойства и происхожденія, нерѣдко весьма спорными по существу.

По содержанію своему Финляндское Уложеніе сохранило въ себѣ много остатковъ старины, притомъ такихъ остатковъ, сохраненію которыхъ очень часто можно только сочувствовать. Составители не гонялись за новинками, не увлекались стремленіемъ сказать „послѣднее слово науки“; они имѣли въ виду лишь практическія жизненныя цѣли. Уложеніе заключаетъ въ себѣ много своеобразнаго; но своеобразность эта не есть искусственность, не есть произведеніе личной фантазіи какого-либо теоретика. Она является, такъ сказать, естественною—изъ практической жизни и ея условій взятою, Для догматическаго и историческаго изслѣдованія Уложеніе даетъ интереснѣйшій и богатый матеріалъ.

Отсутствіе сложнаго схематизма составляетъ большое достоинство Финляндскаго Уложенія по сравненію, напримѣръ, съ нашимъ Уложеніемъ о наказаніяхъ. („Финл. Угол. Уложеніе“, стр. 13).

Редакція отдѣльныхъ параграфовъ въ большинствѣ казуистична, но установлена настолько обдуманно и практично, что едва ли мо-

жетъ вызывать противъ себя большія возраженія съ точки зрѣнія практической".

Подобнаго отзыва о русскихъ ученыхъ работахъ въ финляндской печати вы едва ли встрѣтите.

Когда въ 1906 г. разрабатывался для Финляндіи новый Сеймовый Уставъ, Н. Д. Сергѣевскому пришлось принять въ немъ дѣятельное участіе. Уставъ вводилъ много новаго, весьма радикальнаго, но Н. Д. не поднялъ противъ него своего голоса потому, что ничего вреднаго для государственныхъ интересовъ Россіи въ этомъ не усмотрѣлъ. Онъ протестовалъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда задѣвались прерогативы Монарха или наносился явный ущербъ престижу суверенной Россіи.

По поводу Сеймоваго Устава онъ впослѣдствіи писалъ:

„Въ Уставѣ принята однопалатная система. Выгоды двухпалатной системы, главнымъ образомъ, заключающіяся въ обезпеченіи интересовъ меньшинства и въ большей устойчивости и послѣдовательности въ дѣятельности народнаго представительства, предполагается достигнуть другими способами. (Окр. Рос. 1907, т. II, № 3, стр. 40).

Избирательное право предоставлено также женщинамъ. Основаніемъ къ такому нововведенію послужило то соображеніе, что въ странѣ съ небольшимъ числомъ населенія крайне важно, чтобы всѣ члены общества, могущіе принести пользу своимъ участіемъ въ избраніи народныхъ представителей, получили на то возможность. Имѣющійся въ Финляндіи опытъ по вопросу объ участіи женщинъ въ общественныхъ дѣлахъ не внушилъ въ этомъ отношеніи опасеній.

Заживое задѣтъ былъ Н. Д. Сергѣевскій особенно тѣмъ, что русскихъ опять обдѣлили и обошли.

„Финляндцы не устраняются ни отъ выборовъ, ни отъ участія въ Государственной Думѣ. Почему, спрашивалъ онъ, исключаются русскіе въ Финляндіи?—Двѣ, три сотни русскихъ, постоянно проживающихъ въ Финляндіи,—хотя бы даже тысяча ихъ, очевидно, никакого особаго вліянія на выборы произвести не могутъ; въ число сеймовыхъ депутатовъ они или вовсе не попадутъ, или составятъ ничтожное количество, не болѣе одного или двухъ. Но тѣмъ не менѣе они исключаются. Тенденція особаго Финляндскаго государства, соприкасающагося съ Росссіей лишь въ особѣ Монарха, сказалась въ этомъ вопросѣ съ особою яркостью. Это большая ошибка новаго Устава. Русскіе въ Финляндіи ставятся въ положеніе иностранцевъ, которые, конечно, не могутъ пользоваться политическими правами въ чужомъ государствѣ. Это несомнѣнно повлечетъ за собою даль-

нѣйшее отчужденіе Финляндіи отъ Россіи и русскаго народа и тѣмъ закрѣпитъ зданіе отдѣльнаго Финляндскаго государства. Русскіе, живущіе въ Финляндіи, не имѣя фактически возможности, въ виду своего постояннаго пребыванія въ краѣ, участвовать въ выборахъ въ Государственную Думу, тѣмъ самымъ оказались лишенными всякихъ политическихъ правъ". (Окр. Рос. 1907, т. II, № 3, стр. 41). Съ такимъ отношеніемъ къ членамъ господствующей націи въ состояніи мириться только въ Россіи и оно знаменуютъ собою крайне слабо развитую народную гордость или собственное самоуваженіе. Примѣта крайне печальная для будущности Имперіи.

Былъ ли затѣмъ Н. Д. Сергѣевскій финнофобомъ, когда на свои средства знакомилъ русскую публику съ главными финляндскими законами и съ тѣмъ, что дѣлалось въ Г. Думѣ?

Какъ замѣтный примѣръ безпристрастнаго отношенія Н. Д. Сергѣевскаго къ финляндскому дѣлу, я укажу на послѣдній выпускъ его „Библіотеки Окрайнъ Россіи", въ которомъ онъ привелъ всѣ безъ исключенія рѣчи, произнесенныя въ Г. Думѣ по финляндскому вопросу, не сопровождая ихъ комментаріями. Тенденціозный дѣятель такъ бы не поступилъ. Финляндцы, напр., сдѣлали иначе. Ихъ газеты печатали, хвалили и на разные лады оттѣняли рѣчь г. Милюкова, не придавъ должнаго значенія рѣчи гр. Беннингсена, который камня на камнѣ не оставилъ въ карточномъ построеніи г. Милюкова. Рѣчь графа Беннингсена, а не г. Милюкова, была принята аплодисментами большинства Г. Думы. Это финляндцы утаили отъ своихъ читателей.

Былъ ли, наконецъ, Н. Д. Сергѣевскій финноненавистникомъ, когда любовно и охотно цитировалъ финляндскихъ писателей, напримѣръ, Топеліуса, и корилъ своихъ соотечественниковъ за то, что они уступаютъ финляндцамъ въ патріотизмѣ? Н. Д. Сергѣевскій указывалъ на книгу Топеліуса „Нашъ край", какъ образецъ хорошаго и полезнаго изданія. Куда же во всѣхъ указанныхъ случаяхъ дѣвалось его финнофобство? Онъ много хвалилъ финляндцевъ, а потому имѣлъ и право критиковать ихъ. А критика, гг. финляндцы, не есть синонимъ ненависти.

Пора было бы финляндцамъ бросить свой недостойный пріемъ обзывать неугодныхъ имъ русскихъ ученыхъ и публицистовъ финнофобами и смотрѣть на нихъ, какъ на Лойолу, требующаго костровъ. Пора залить эти ѣдко дымящія головни финляндской публицистики. Неужели у всѣхъ пишущихъ о Финляндіи не однѣ похвалы, единственнымъ стимуломъ является только злоба и ненависть? Не-

ужели лица, отвергающія финляндское государство и конституцію—исключительно недобросовѣстные обманщики? Одумайтесь господа!

Русскихъ ставятъ къ позорному столбу финляндской публицистики прежде всего за ихъ якобы стремленія къ денаціонализаціи инородцевъ. На это Н. Д. отвѣтилъ: „Русскимъ людямъ бросаютъ обвиненіе въ стремленіи къ насильственной руссификаціи, т. е. къ подавленію и уничтоженію всякой иной національности и ея духовной жизни. Это вздоръ и сознательная ложь“ (Окр. Рос. 1906, т. I, № 40, стр. 478). „Вѣдь это „сказочки дѣдушки Ерофѣя“—не болѣе. Можно говорить о культурной ассимиляціи, добровольной, естественной и взаимодѣйствующей. Что же касается до насильственной руссификаціи, то объ ней въ настоящее время никто и думать не можетъ. Вся наша забота заключается въ томъ, чтобы прекратилось отчужденіе нашихъ инородческихъ окрайнъ и враждебное ихъ отношеніе къ русскому народу; чтобы окраины наши, выражаясь словами Екатерины Великой, перестали глядѣть, какъ волки, въ лѣсъ“ (Окр. Рос. 1906, т. 1, № 40, стр. 678). Екатерина Великая, въ инструкціи генералъ-прокурору, князю Вяземскому 1764 года, писала еще: „Сіи провинціи—т. е. Лифляндію и Финляндію надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобы онѣ обрусѣли. Иное къ нимъ отношеніе, продолжаетъ Императрица, „есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью—глупость“. „Эта программа—назову ее прямо—программа насильственнаго обрусѣнія для насъ теперь невозможна. Невозможна, прежде всего, въ виду измѣнившагося положенія личности въ государствѣ, а главнымъ образомъ, потому, что соотвѣтствующіе духовные факторы изчезли: увѣренность въ себѣ и беззавѣтная любовь къ своему, родному, русскому. Насильственное обрусѣніе невозможно. „Хороша старина, да и Богъ съ ней“—говорятъ мужики—„не все старое годится, хоть оно и мило“.

„Послѣдняя вспышка этой программы—планъ декабриста Пестеля относительно Финляндіи, а далѣе—если и было что-либо въ этомъ родѣ, то все это было мелко и безцѣльно: отдѣльныя выходки раздражительныхъ людей или глупыхъ помпадуровъ. Повторяю: никакой рѣчи о насильственномъ обрусѣніи въ наше время быть не можетъ. Это только пугало, которымъ враги русскаго народа стараются оттолкнуть отъ насъ инородцевъ и умѣренныхъ людей“.

Мы, пишущіе по финляндскому вопросу, привыкли, что наши слова понимаются иначе, чѣмъ мы ихъ произносимъ. Такъ было и съ Н. Д. Сергѣевскимъ. Но кто можетъ спокойно читать и слушать, то вотъ его подлинныя слова: „То единство Россіи, которое мы от-

стаиваемъ, и тотъ сепаратизмъ, противъ котораго мы должны бороться, не имѣетъ ничего общаго съ насильственной руссификаціей. Наша программа очень сложна: мы не можемъ допустить государственнаго обособленія окраинъ, то есть признанія за областями признаковъ государства: отдѣльныхъ войскъ, отдѣльнаго законодательства, монеты, иного государственнаго, въ тѣсномъ смыслѣ, языка, кромѣ русскаго, отдѣльнаго министерства (кабинета министровъ), отдѣльной государственной казны,—или, выражаясь технически, мы не можемъ допустить, чтобы наши окраины превратились въ союзныя, того или другого типа, государства. Затѣмъ, въ организаціи мѣстнаго управленія на окраинахъ мы не можемъ допустить мѣстной національной исключительности, то есть устраненія русскихъ людей, съ одной стороны, и господства одного какого-нибудь не русскаго племени, съ другой: русскіе люди должны быть вездѣ полноправны и считать себя дома, а всѣ прочія народности—равны между собою" (Окр. Рос. 1906, т. 1, № 40, стр. 678).

„Для нашего времени должна быть поставлена одна цѣль: *культурное сближеніе и духовное единеніе на почвѣ честной преданности единому всероссійскому государству.* Во всемъ остальномъ, пусть полякъ остается полякомъ, финляндецъ—финляндцемъ и т. д. Тѣ инородцы, которые не захотятъ быть нашими братьями въ составѣ единой всероссійской семьи, должны считаться нашими врагами, открытыми и смертельными; но никого изъ нихъ насильственно передѣлывать въ русскихъ мы не станемъ и не должны" (Рус. Окр. Общ., стр. 13—14).

Вотъ то, что у Н. Д. Сергѣевскаго написано черными буквами на бѣлой бумагѣ. И противъ этого можетъ упорствовать только недоброжелательность, которая становится спиной къ неотразимому факту, рѣжущему глаза, и продолжаетъ приносить жертвы своему гнѣву. Разсуждайте, оцѣнивайте Н. Сергѣевскаго по своему, но не оскорбляйте.

Русскіе патріоты—вотъ кость въ горлѣ финляндскихъ обособленниковъ. Финляндцамъ хотѣлось бы разбить то зеркало, которое они высоко держатъ въ своей рукѣ, и въ которомъ отражены ихъ отношенія къ Россіи. Нѣтъ, милостивые государи, не русскіе патріоты склонны къ насилію, а финляндскіе активисты и пассивисты хотѣлибы силой установить то, что предносится ихъ фантазіи, но еще на практикѣ не осуществлено. Они буквально выталкивали русскихъ людей изъ своихъ учрежденій, въ началѣ правленія Н. Н. Герарда. Передъ русскимъ патріотомъ финляндцы замыкаются въ своей исклю-

чительности, застегиваясь на всѣ пуговицы; душа у нихъ на распашку только передъ нашим и революціонерами. Финляндская печать неоднократно напоминала намъ, что она оппозиціонная. Ея кумиры въ Государственной Думѣ—г.г. Гегечкори, Булатъ, Милюковъ и ихъ присные на лѣвыхъ скамьяхъ. Лучшій-ли путь—путь оппозиціи—избрала для себя Финляндія—увидимъ потомъ. Удастся-ли имъ при содѣйствіи болѣе безпокойныхъ нашихъ фракцій свергнуть „русское иго"—покажетъ будущее. Но на сколько окружающія обстоятельства позволяютъ дѣлать заключенія о грядущемъ, думается намъ, что крайнія лѣвыя партіи—ненадежный союзникъ въ долготу дней и въ серьезномъ вопросѣ народной жизни. Съ горючимъ матеріаломъ вообще опасно обходиться. Финляндія пьетъ въ послѣдніе годы свой запой нерасположенія къ русской политикѣ. Она, подобно Польшѣ 30-хъ и 60-хъ годовъ, точно не примиренія ищетъ, а борьбы. „Грядущее—говорилъ кто-то—хорошій должникъ: оно отдастъ имъ (финляндцамъ) ихъ гнѣвъ".

Но нѣтъ худа безъ добра. Тренія въ финляндскомъ вопросѣ будятъ русское общество и открываетъ ему глаза на настоящее положеніе дѣла на сѣверной окраинѣ. Финляндія, какъ и другія порубежныя земли, служитъ шпорами для государственнаго тѣла Россіи и содѣйствуютъ поднятію патріотическаго настроенія. А когда патріотизмъ разрастется и окрѣпнетъ, Россія будетъ спасена! Сила обновленія можетъ исходить только изъ національнаго творческаго начала. Сорванные-же съ родной почвы—мы погибнемъ, ибо „безъ корня и полынь не растетъ".

Убога Россія, бѣдна она еще и некультурна, но она наша мать и мы будемъ беззавѣтно ее любить. Н. Д. Сергѣевскій, рисуя это неотрадное прошлое, находилъ въ немъ дорогіе перлы. Однажды онъ указалъ на боярина Шереметьева.

„Никакія угрозы и притѣсненія не могутъ заставить его согласиться на требованія хана и подписать невыгодныя для Россіи условія. Наконецъ онъ (Шереметьевъ) былъ отпущенъ. Воевода пограничнаго русскаго города устроилъ ему торжественную встрѣчу на самой границѣ, на берегу граничной рѣчки. Татары подвезли освобожденнаго къ лодкѣ. Вышелъ онъ на берегъ, поклонился до земли и трижды поцѣловалъ родную землю. Надѣлъ поднесенную нарядную одежду, пообѣдалъ въ шатрѣ и немедленно собрался ѣхать въ дальнѣйшій путь, къ Москвѣ, къ „Великому Государю". Подали парадную карету, „каптанъ". Но бояринъ не пожелалъ ѣхать въ каретѣ; онъ поѣхалъ верхомъ. „И сидѣлъ бояринъ на конѣ—говоритъ совре-

менникъ-очевидецъ—бодро и мощно; а борода у него бѣлая по поясъ, а лѣтъ ему семьдесять два". Оглянитесь на характеры петровскаго времени, продолжалъ Н. Д. вѣдь это гиганты духомъ и волею: самъ Петръ и его сподвижники. („Ѣшь меня, собака", стр. 19).

Въ другой разъ, задавшись вопросомъ: за что мы должны любить Россію, Н. Д. Сергѣевскій отвѣтилъ слѣдующимъ примѣромъ, заимствованнымъ изъ книги для народнаго чтенія, составленный Топеліусомъ. Простите, я повторю здѣсь этотъ разсказъ. „Весною, во время ледохода, въ бурной рѣкѣ тонетъ какая-то женщина. Толпа стоитъ на берегу, но помощи никто не рѣшается подать—опасность слишкомъ велика. Вдругъ прибѣгаетъ деревенскій парень; сразу безъ колебаній и размышленій, бросается онъ въ воду и спасаетъ утопающую. „Какъ могъ ты рѣшиться, говорятъ ему окружающіе: ты шелъ почти на вѣрную смерть".—„Да вѣдь она мать моя!" („Русскій Духъ", стр. 8).

Припомнилъ онъ, Николай Дмитріевичъ, и Пушкина, сказавшаго Чаадаеву: „Клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ бы перемѣнить отечества, не имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какъ намъ Богъ ее послалъ"

Наконецъ, чтобы дорисовать любовь Н. Д. Сергѣевскаго къ родинѣ, укажу еще на одинъ примѣръ, описанный въ одной статьѣ. „Проѣзжая по одному горному ущелью на Кавказѣ, путешественникъ замѣтилъ, что ямщикъ снялъ шапку и крестится на право и на лѣво. „Что ты крестишься—тутъ нѣтъ ни часовни, ни креста?" —Эхъ, баринъ, отвѣтилъ ямщикъ: ничего-то вы не понимаете; тутъ нашихъ дѣдовъ косточки лежатъ. Креста-то нѣтъ, а много ихъ тутъ! Кровью нашею земля взята".—Да, и Финляндія, и Польша, и Кавказъ кровью нашею взяты, нашихъ дѣдовъ тамъ косточки лежатъ. Это—наши земли, русскія земли... („Окр. Россіи" 1906 года, т. I, № 40, стр. 678).

Эти маленькіе примѣры, извлеченные изъ разныхъ трудовъ Н. Д. Сергѣевскаго, раскрываютъ намъ его душу. Вотъ чѣмъ онъ жилъ и утѣшался! Вотъ, что онъ желалъ внушить своему читателю, для укрѣпленія русскаго духа на предстоящую борьбу. И онъ тысячу разъ правъ. Какая-бы идея не руководила вами, она безжизненна, пока не будетъ согрѣта чувствомъ. Тоже самое надо сказать о великой идеѣ единой и нераздѣльной Россіи. Мы въ состояніи осуществить ее только въ томъ случаѣ, когда согрѣемъ ее нашимъ національнымъ чувствомъ, нашимъ горячимъ патріотизмомъ. На національный путь выходитъ, слава Богу, и наше правительство.

Въ его декларацiи, прочитанной предсѣдателемъ совѣта министровъ, П. А. Столыпинымъ, 16 ноября 1907 году въ Государственной Думѣ, такъ-же указано, что „та сила самоуправленiя, на которую будетъ опираться правительство, должна быть всегда силой национальной“, что наши „реформы, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу въ русскихъ национальныхъ началахъ, что „русское государство росло, развивалось изъ своихъ собственныхъ русскихъ корней“. Въ этомъ заявленiи—обѣщанiе и обязательство нашего правительства. Съ какой сердечной отрадой мы привѣтствуемъ это стремленiе. Иного способа успѣшнаго служенiя родинѣ не существуетъ. Точно такъ-же, какъ нѣмецъ поетъ Deutschland, Deutschland uber Alles! мы должны повторять: Россiя прежде и выше всего, она для насъ все, она—надъ окраинами!

Въ этомъ состоитъ наше пониманiе собственной выгоды. Мы жили въ какомъ то равнодушiи ко всему, безъ прошлаго и будущаго, какъ корилъ насъ когда-то Чаадаевъ. Нашъ каменный обморокъ, ведшiй къ безразличiю къ Россiи, долженъ, наконецъ, пройти. Въ национальныхъ вопросахъ гуманитарныя теорiи должны быть обречены на молчанiе; они не должны заслонять историческихъ интересовъ народа. Довольно гнали въ Россiи все русское, довольно предавали поруганiю завѣты прошлаго и умные примѣры культурныхъ народовъ. Довольно дѣлалось попытокъ рѣшить русскiй вопросъ по нѣмецкимъ и инымъ иностраннымъ образцамъ. Довольно изгоняли патрiотизмъ изъ школы, семьи и литературы. Въ 1904—1905 г.г., когда потребовалась помощь патрiотизма, его не оказалось. „Мы потому-то ничего и не сдѣлали для человѣчества, что не выработали еще своего русскаго воззрѣнiя“. „Жаль бѣдную Россiю“ восклицалъ гр. А. Закревскiй.

Надо бить въ набатъ патрiотизма, ибо тамъ, въ глубинѣ Россiи, тамъ вѣковая тишина, тамъ не шевельнулось еще самосознанiе. Надо, чтобы наше общество поняло окраинные недуги своего царства. Свобода печати этому поможетъ, свобода собранiй этому посодѣйствуетъ. Нашъ Русскiй Окраинный Союзъ будетъ надъ этимъ работать...

Когда проснется национальное чувство, наши соотечественники поймутъ, что вопросъ о Финляндiи—вопросъ русскiй. Когда пробудится национальное чувство, оно потребуетъ возврата Выборгской губернiи, оно потребуетъ правъ для русскихъ на финляндской окраинѣ, водворенiя нашего государственнаго языка въ дѣлопроизводствѣ высшихъ учрежденiй Финляндiи. „Патрiоты изъ космополитовъ“ этого

не потребуютъ, ибо они въ будущность „мужицкаго царства“, въ будущность „міра сёлъ“ не вѣрятъ.

Повторяемъ: будущность Россіи въ очень большой мѣрѣ зависитъ отъ рѣшенія окраинныхъ вопросовъ. Мы переживаемъ болѣзненное время. Въ финляндскомъ вопросѣ мы выростаемъ изъ старой кожи. Главный нервъ финляндскаго вопроса нащупанъ. Наше правительство болѣе и чаще начинаетъ вводить Финляндію въ кругъ общегосударственныхъ дѣйствій. Время изолированности земли „Суоми“ идетъ къ концу.

Члены нашего Общества, подобно его первому стойкому предсѣдателю Н. Д. Сергѣевскому, не станутъ бояться огня полемики и критики. Мы увѣрены въ правотѣ нашихъ воззрѣній и потому, не опасаясь ихъ малой еще популярности въ извѣстныхъ кругахъ, смѣло пойдемъ къ нашей общей цѣли—единой нераздѣльной Россіи: Россія для русскихъ—или всѣ русскіе для Россіи. Этому знамени въ нашей средѣ мы не измѣнимъ. Сегодняшнее меньшинство можетъ быть завтра большинствомъ.

Въ „битвѣ жизни“ бойцы падаютъ и будутъ падать.

Умеръ Н. Д. Сергѣевскій. Сокрушенъ крѣпкій дубъ—стойкій боецъ. Но около него успѣла разрости уже высокая роща, а съ лѣтами въ ней вновь распустятся могучіе дубы—крѣпкіе бойцы. И потому мнѣ хочется крикнуть тѣмъ, кто полагаетъ, что мы ослабѣли: ошибаетесь, мы вновь окрѣпнемъ. Н. Д. Сергѣевскому суждено было видѣть только первый подъемъ національнаго чувства въ финляндскомъ запросѣ Государственной Думы. Онъ былъ свидѣтелемъ лишь первыхъ дней родного дѣтища Русскаго Окраиннаго Общества. Затѣмъ смерть перебѣжала ему дорогу...

Блаженны тѣ, кто достигнетъ намѣченной цѣли и увидитъ наши задачи осуществленными, тѣ, которые достигнутъ земли обѣтованной. Пока-же доспѣхи духа Н. Д. Сергѣевскаго да помогутъ намъ въ предстоящей трудной борьбѣ за окраинные вопросы, а его имя да послужитъ однимъ изъ связующихъ звеньевъ нашей малой рати.

Хочется вѣрить, что когда для Россіи въ окраинныхъ дѣлахъ настанутъ болѣе свѣтлые дни, его могила не будетъ забыта, такъ какъ онъ честно послужилъ дѣлу закрѣпленія за Россіей духовными узами завоеваній Петра Великаго, Елизаветы Петровны и Александра I.

А лучшія времена настанутъ тогда, когда пройдетъ „этотъ вѣкъ, воспитанный въ крамолахъ, вѣкъ безъ души, съ озлобленнымъ умомъ“. (Ѳ. Тютчевъ). Зарю лучшихъ дней мы увидимъ тогда, когда болѣе

будемъ преданы Россіи, болѣе будемъ уважать и изучать ее. „Долго думалъ я, читавъ и бесѣдуя объ екатерининскомъ времени, писалъ М. Погодинъ, отчего тогда было такое обиліе въ примѣчательныхъ людяхъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія... Никакой другой причины не нашелъ я важнѣе этой: у всѣхъ ихъ была одна наука—Россія... Мы учимся всѣмъ наукамъ, а къ Россіи обращаемся послѣ всѣхъ“...

Свободно и гордо мы вновь вздохнемъ, когда семья, школа и печать поймутъ значеніе одного изъ величайшихъ двигателей современной жизни—національнаго начала, вполнѣ оцѣненнаго покойнымъ Н. Д. Сергѣевскимъ.

Съ расцвѣтомъ русскаго патріотизма, окраинные вопросы будутъ рѣшены легко и просто. Будемъ (не плошая сами) вѣрить въ этотъ расцвѣтъ... „Если хотите имѣть великія мысли и творить великія дѣла—вѣрьте—восклицалъ Викторъ Гюго. Живите вѣрой. Имѣйте вѣру религіозную, вѣру патріотическую, вѣру литературную. Вѣрьте въ человѣчество, въ талантъ, въ себя“.

Остается прибавить: вѣрьте въ Россію...